

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ

Этнический и национальный облик каждого народа определяется прежде всего теми культурными традициями, которые живут в его общественном и семейном быту. Этими традициями данный народ отличается и сам себя отличает от других народов. Культурные традиции обычно связаны в той или иной степени с языком, который и сам по себе служит важной — иногда главной или даже единственной — меткой, отличающей один народ от других. Язык и культурная традиция — вместе или порознь — служат объективной опорой и обоснованием того национального или этнического самосознания, которое обычно принимается за критерий для отнесения каждого индивида к той или иной этнической группе. Нередко можно заметить, что любая этническая общность (народ, племя, нация) тем крепче держится за свои культурные — этнические, областные — традиции, чем она малочисленнее и чем больше угрожает ей опасность раствориться и ассимилироваться в более крупной этнической среде. Многочисленная и сильная нация, которой не грозит такая участь, обычно меньше дорожит своими старыми традициями, своими обычаями, своим этническим своеобразием, чем мелкая национальная группа, окруженная более сильными соседями.

К таким общим выводам приводят наблюдения над процессами этнического и культурного развития народов разных стран в наши дни. Но выводы эти пока еще, конечно, очень предположительные и предварительные; они нуждаются в очень строгой и повторной проверке и уточнении на материале новых и новых стран, как индустриально развитых, так и отсталых.

Такая задача стояла передо мной как главная цель этнографической поездки во Францию летом 1967 г. Эти же вопросы интересовали меня в предыдущую поездку — 1961 г. — в эту страну (совместно с Л. В. Покровской), а отчасти — в еще более раннюю поездку, в 1946 г. К сожалению, все три командировки во Францию были очень кратковременны — не более месяца каждая.

Франция — чрезвычайно благодарный, но и очень трудный объект этнографического изучения. Страна с богатейшим культурным прошлым, наследница вековых цивилизаций — от древне-кельтской и галло-римской до буржуазно-демократической цивилизации XIX века; страна, долгое время считавшаяся едва ли не культурным центром мира; страна с глубокими революционно-демократическими и социалистическими традициями; страна, давшая миру Вольтера и Гюго, Робеспьера и Жореса, Луи Пастера и Пьера Кюри... И в то же время страна, где в глухих деревнях до сих пор верят в колдунов, в нечистую силу, в чудесные исцеления... Страна, населенная одной из крупнейших наций в мире — французами, но где живут и менее известные, особенно неспециалистам, национальные меньшинства — бретонцы, баски, эльзасцы, корсиканцы, каталонцы, фламандцы, и совсем малоизвестные окситанцы.

Изучать такую страну этнографу нелегко. Но именно здесь можно найти наиболее убедительные факты, относящиеся к поставленному выше общему вопросу. Мои кратковременные поездки во Францию были, естественно, лишь скромной разведкой.

Сами французские этнографы сделали немало для изучения своей страны. Литература, посвященная фольклорно-этнографическому описанию отдельных провинций и местностей, отдельным сторонам культуры и быта населения, — очень велика. Достаточно сказать, что целых два солидных тома из капитального многотомного издания «Manuel de folklore français contemporain», составленного Арнольдом ван-Геннепом, заняты подробной библиографией этнографической и фольклорной литературы о Франции в целом и отдельных ее провинциях¹. Выходит множество фольклорно-этнографических и краеведческих журналов. Один обзор их мог бы составить содержание особой статьи.

Но и сами французские этнографы до недавнего времени недостаточно внимания обращали на проблемы, указанные выше: на вопросы современного бытования культурно-этнических традиций и вопросы этнической структуры населения. Только в последние годы замечается оживление интереса к этим проблемам².

1

Общезнаменитые — в строгом смысле слова — национально-культурные традиции обнаружить трудно: они, конечно, есть, но выявить их можно только путем широкого сравнительно-этнографического изучения, сопоставления с общенациональными традициями, скажем, итальянцев, немцев, англичан и др. Это относится и к области мате-

¹ Manuel de folklore français contemporain, par Arnould van Gennep, tt. III, IV, Paris, 1938.

² См., например: G. de Rohan-Csermak, La notion de complexe ethnique européenne («Ethnologia Europaea», 1967, № 1); егo же, Le problème de l'«ethnie» et la notion de «complexe ethnique européen» (ротапринт).

риальной культуры, и к семейным и общественным обычаям, и к народному творчеству, и к верованиям. Такое исследование еще никем не проделано, оно требует коллективных усилий (это одна из задач предпринимаемой сейчас большой международной работы по составлению общеевропейской историко-этнографического атласа)³.

Не считая церковных католических праздников — очень сходных в разных католических странах, — у французов отмечается мало общенациональных знаменательных дней. Мне довелось видеть (еще в 1946 г.) в Париже Первомайский праздник. Он отмечается, как известно, во многих странах, как праздник труда, — но у французов он выглядит, быть может, особо торжественно. Помимо массовой народной демонстрации, очень внушительного шествия со знаменами, плакатами, политическими лозунгами, характерен обычай продавать с благотворительной целью в этот день цветы ландыша на улицах, в газетных киосках и других местах. Вечером устраивается прекрасный фейерверк (feux d'artifice) в разных местах города.

Но собственно французский, общенациональный и самый торжественный праздник — это Fête Nationale 14 июля (день взятия народом Бастилии в 1789 г.). Отмечается он, конечно, во всей стране. Я имел возможность наблюдать его проведение в Париже: прекрасный военный парад на Елисейских полях при большом стечении народа, затем гуляние по улицам Парижа, вечером танцы под музыку и эстрадные выступления, устроенные на нескольких площадях, очень интересный фейерверк, — и это в сущности все. Каких-либо чисто народных элементов, не сводимых к официальному ритуалу, незаметно. Была попытка оживить и стилизовать праздник, введя в программу танцев революционную «карманьолу» в санкиюотских костюмах, — но эта попытка не удалась (танцевали твист и другие модные танцы), — о чем на другой день писали с грустным юмором в газетах. Праздник, хотя и стал общенародным, но этнического своеобразие не приобрел. Думается, что это объясняется не недавним сравнительно происхождением праздника (он установлен лишь с 1889 г.), а тем, что французский народ, видимо, не ощущает никакой угрозы потери своей национальной или этнической самостоятельности, и потому не создает дополнительных подпорок для нее в виде общенациональных культурных традиций и не в такой степени держится за старые. К числу общефранцузских — условно говоря — знаменательных дней и праздников относятся также дни весеннего карнавала (масленица, неделя перед Великим постом) с маскарадами, уличным весельем, на юге — с «битвой цветов» (bataille de fleurs); день памяти всех умерших, сросшийся с церковным праздником «всех святых» (1—2 ноября); день св. Екатерины (25 ноября) — покровительницы женских работ, — ставший праздником модисток и портних: «les Catherinnettes». Но большая часть обычаев, связанных с этими праздниками, почти вышла из употребления. В разговорах с парижанами о судьбе старых обычаев, народных праздников и танцев приходилось слышать ответы, что-де ничего этого не сохранилось. Конечно, подобные ответы принимать на веру безоговорочно тоже нельзя, но какая-то доля истины здесь есть.

Забвение традиционных обычаев и праздников в деревне французские этнографы склонны объяснять экономическими причинами, — постепенным сокращением мелкого крестьянского землевладения в основных зерновых районах Франции: коренное крестьянство вытесняется капиталистическим фермерством, и таким образом исчезают сами носители старых традиций.

Интересно, что эти традиционные праздники прочнее держатся в винодельческих районах, менее затронутых аграрным кризисом и сохранивших старое крестьянское и помещичье землевладение, например, в Бургундии, где производится, как известно, самые дорогие и высококачественные сорта французских вин.

Мне довелось присутствовать в ноябре 1961 г. при своеобразном празднике бургундских виноделов в городе Боне (Beaune) — некогда резиденции герцогов Бургундии, а ныне — столице бургундского виноделия. Праздник приурочен к традиционному сроку оптовой продажи вина. В городе, на площади, была устроена ярмарка с разными товарами для приезжающих из окрестностей виноделов. Весь город был украшен к празднику разукрашен — флагами, флажками, цветными фонариками, на площади — карусели, в витринах магазинов, живописно декорированных, разные сувениры и прочие товары. На улицах множество гуляющего народа, настроение праздничное. Окрестные деревни — в некоторые я заезжал — почти пусты, все отправилось в город. Средоточие всего праздника — большой аукцион вин, происходивший в воскресенье 19 ноября. Накануне, в субботу, была устроена предварительная «дегустация» продаваемого вина: в большом зале «Hôtel Dieu», где стены были сплошь уставлены стеллажами с бутылками, образцами вин разных владельцев, посетители (покупщики и другие), заплатившие 5 франков за вход, могли бесплатно пробовать любой сорт вин; пробуют из особой металлической плоской чашечки с лунками, чтобы оценить вкус и цвет вина. Покупщики таким образом заранее выбирают товар. В воскресенье же происходит самый аукцион (Vente aux enchères publiques); он проходил в торжественной обстановке, под почетным председательством посла Великобритании, — ибо значи-

³ См.: С. И. Брук и С. А. Токарев, Проблемы составления европейского историко-этнографического атласа, «Сов. этнография», 1966, № 5.

тельная часть продаваемого вина экспортируется в Англию; в зале сидели рядами до 400 скупщиков, а за ними, отделенные барьером, простые зрители, публика — всего до тысячи человек. Пока аукционист выкликал и продавал партию за партией вина, — снаружи, на площади, на улицах, в кафе, шло веселье, шум, развлечения, продажа

Рис. 1. Дом в деревне Оберзеебах (Эльзас, июнь 1957 г.)

из киосков всякой всячины, громкие зазывания, и что самое интересное — выступления народных певцов (*chansonniers*) в традиционных национальных костюмах, исполнявших бургундские и другие французские народные песни под аккомпанемент старинных струнных инструментов (*la vielle* — нечто вроде украинской лиры). Музыка, пение и само зрелище были незабываемы! Вечером тот же посол Великобритании устроил торжественный банкет для почетных участников праздника.

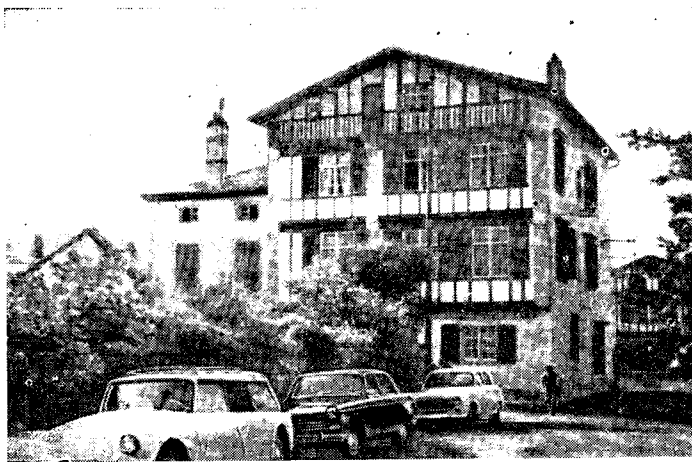

Рис. 2. Дом в деревне Юстариц (Страна Басков, июнь 1967 г.)

Весь этот праздник бургундских виноделов можно рассматривать как яркий образец своеобразного приспособления народных традиционных празднеств к условиям современного крупнокапиталистического хозяйства и мирового рынка. Эти аукционы вин происходят ежегодно уже более 100 лет, с 1859 года.

Но винодельческие районы составляют, как уже сказано, скорее исключение в общей картине затухания старинных обычаев.

Их вытесняют новые праздники и обычаи, постепенно становящиеся — в некоторых случаях — общенародными. Например, все более популярным, из года в год, ста-

новится во Франции день коммунистической газеты «Humanité», справляемый в сентябре в одном из рабочих предместий Парижа, куда съезжаются гости из разных коцов страны. Имеются и новые, постепенно все шире распространяющиеся среди французов обычаи, становящиеся тоже традицией: например, летние «кэмпинги», поездки на каникулы (vacances) к морю, в горы, движение «натуризма» и пр.; но во всем этом мало собственно национального, — это явления более или менее общеевропейские. Характерен обычай проводить в свободное время долгие часы в кафе — в теплые дни за столиками, расставленными перед кафе на улице, — попивая вино, пиво, кофе. И этот обычай распространен во всех южноевропейских странах, и здесь мало собственно национального.

Совсем другое дело — культурные традиции, сохраняющиеся среди национальных меньшинств (и частью — среди обособленных областных групп самого французского населения). Здесь они держатся гораздо прочнее, и не только стихийно: их поддерживают сознательно, их развивают, расширяют, даже создают новые, но на старой культурно-этнической основе. Я имел возможность наблюдать проявление этих тенденций у эльзасцев, бретонцев и басков, а кое-какие сведения получил, еще об «окситанском» населении Южной Франции и о населении одного из районов Центрального Массива.

Здесь прочнее всего держатся и своеобразные особенности материальной культуры. Это легко заметить даже при кратковременном посещении. Традиционные постройки, не только в деревнях и на фермах, но в значительной степени и в городах, сразу бросаются в глаза. В Эльзасе это построенные рамной (клеточной, Fachwerk) техникой дома, сходные со среднемецкими («франконскими»). В Бретани — характерные гранитные, вытянутые в длину одноэтажные постройки с каминными трубами, выступающими наружу по обоим концам дома. В Стране Басков — огромные каменные «баскские» дома, трех-, четырехэтажные, отчасти близкие к «альпийскому» типу, обычно очень старые, — на многих есть даты, указывающие на XVII, даже на XVI век. Тем не менее они почти все выглядят как новые — свежоштукатурены, аккуратно покрашены. То же можно сказать и об эльзасских домах.

Можно думать, кстати, что и самое сохранение традиционных типов сельских построек есть в какой-то мере проявление сознательного стремления удержать своеобразие своей областной (этнической) культуры. По крайней мере, в Эльзасе есть любопытный обычай: общественно-культурные организации устраивают ежегодные конкурсы сельских домов, — и за лучшее содержание дома, за красивый, нарядный фасад хозяева дома получают премии. Обычай этот имеет, конечно, и вполне очевидный коммерческий смысл: привлечение туристов, для которых эти национальные районы служат излюбленными местами посещения.

Сохранились и элементы народной одежды, — хотя полный и нарядный «национальный» костюм надевают сейчас только в особые праздники, при выступлениях художественных ансамблей и пр. Одежда эта, впрочем, по своему происхождению может быть и вовсе не старинной: традиции шить и носить ее восходят вообще лишь к XIX веку (ведь в эпоху феодализма крестьянам запрещалось носить красивую, нарядную одежду). Отдельные части народной одежды — например, головные уборы в Бретани — носятся и в повседневном быту, особенно пожилыми женщинами.

Сохраняются кое-где мелкие крестьянские кустарно-ремесленные производства. Я видел гончарное производство в Эльзасе (дер. Обербетшдорф), изготовление кукол в национальных костюмах и тканей с вышивкой в Бретани (Пон л'Аббэ, где это теперь, правда, уже приняло фабричные размеры и капиталистическую форму), ручное ткачество там же (дер. Лекронан). В поездку 1961 г. мне довелось наблюдать ручное плетение корзин и изготовление деревянных «сабо» в деревне Валабрег (Прованс).

Другое выражение культурных этнических традиций — сохранение некоторых старинных обычаев, обрядов, поверий. Некоторые записи этого рода удалось сделать в названных выше областях Франции, но эти записи, конечно, очень отрывочны.

Однако сильнее и ярче всего приверженность к народным культурным традициям сказывается в национальных областях в устройстве фестивалей народного искусства. Это не старая традиция: в разных областях Франции подобные фестивали начали устраиваться после первой мировой войны, а после перерыва, вызванного второй мировой войной, возобновились и теперь с года на год расширяются и становятся все более популярными.

Мне удалось побывать на четырехдневном большом фестивале народного искусства в Кемпэре (Бретань) 20—23 июля.

Эти ежегодные фестивали (Grandes Fêtes de Cornouaille) справляются с 1923 года; с конца 50-х годов они начали принимать все более организованный вид и все большие размах. Заранее печатаются и распространяются рекламные проспекты-программы, из года в год все больше съезжаются участники и зрители — особенно, конечно, из разных районов Бретани, — приезжает все больше туристов из других стран. В 1967 году в Кемпэр собралось, по примерному подсчету, около 3 тысяч участников шестий в «национальных» костюмах, около тысячи музыкантов, много исполнителей

народных танцев и песен. Подавляющее большинство — из разных районов Бретани, но были и приглашенные ансамбли: из Тулузы («Окситанский балет»), из Болгарской Народной Республики (Ансамбль Болгарской Армии), из Мюнхена (ФРГ). Зрителей же собралось, по-видимому, тысяч 18. Город заранее был украшен нарядными плакатами, флагами, в магазинах продавались сувениры, так или иначе связанные с фестивалем, — особенно куклы в национальных нарядах. Сам фестиваль проходил в шестиях колонн участников в праздничных нарядах, военным строем, под оркестр (волюны, гобой, барабаны) по улицам города, в выступлениях ансамблей и отдельных исполнителей народных песен, танцев, инсценировок с эстрады на открытых площадях

Рис. 3. Шествие участников фестиваля (Кемпэр, июнь 1967 г.)

и пр.; состоялся конкурс музыкантов, было несколько лекций по истории бретонского языка и литературы. Самым торжественным оказался последний день фестиваля, воскресенье, начавшийся с «бретонской мессы» в соборе, — заполнившая его масса народа была почти вся в национальных костюмах. Затем состоялся торжественный обед для участников фестиваля (на несколько сот человек) и — заключительный акт — торжественное прохождение колонн демонстрантов в костюмах, со знаменами и под оркестр (свой у каждой колонны); многие участники демонстрации несли в руках эмблемы своего района или местной преобладающей отрасли хозяйства: пучки колосьев пшеницы, рыболовные сети, корзины с фруктами, камыш для плетения и пр. В этот же день жюри объявило результаты конкурса музыкантов и выбрана была «королева Корнуайля» (за лучший костюм и лучшее исполнение танца) — девушка, которая будет носить это почетное звание в течение года; «королеву» премировали также поездкой в Италию на артистические гастроли.

Хочется подчеркнуть три особенности в Бретонском фестивале. Во-первых, здесь не было резкой грани между исполнителями и зрителями: об этом говорят не только огромное количество участников шествий в костюмах, но и то, что, по крайней мере в первый вечер, при исполнении бретонских песен, музыки и танцев, публика, заполнившая площадь, сама активно принимала участие в действе, устраивая хороводные танцы; временами танцевала вся площадь, большими и маленькими хороводами. Во-вторых, выступления музыкантов, певцов и танцоров в глазах многочисленных зрителей и слушателей (в большинстве бретонцев) имели значение, видимо, не столько с артистической точки зрения, сколько как проявление национальных чувств: и участники и слушатели с равным восторгом аплодировали каждой песенке, каждому танцу (хотя для постороннего наблюдателя и то и другое представляло зачастую нечто монотонное, даже утомительное). В-третьих, наконец, все это публично демонстрируемое богатство народной бретонской культуры — особенно костюмы — отнюдь не обязательно представляет собой нечто древнее: напротив, бретонские «национальные» костюмы по своему происхождению, как уже говорилось, не старше XIX века, а наиболее нарядный и разнообразный вид они приобрели лишь в самые последние десятилетия. Видимо, вообще «национальные» особенности культуры вовсе не всегда составляют ее архаический слой: они могут быть и совсем новыми, могут создаваться и развиваться из наших глаз. Вывод для этнографической науки очень важный.

Большое общественное значение, придаваемое во Франции подобным фестивалям, видно, между прочим, и из того факта, что на описываемом корнуайльском празднике присутствовали, и даже руководили им, должностные лица — мэр города и др.; присут-

ствовал даже член правительства, министр г-н Мишле, сказавший приветственную речь на торжественном обеде.

Но не надо думать, что такие торжественные и парадные фестивали — единственная форма проявления народного искусства бретонцев: напротив, очень популярны у них и чисто местные праздники — вечеринки (Fest Noz по-бретонски) с выступлениями народных певцов и музыкантов, с танцами и весельем. Мне удалось побывать на таком местном празднике в ноябре 1961 г. в самой глуши Бретани, вдали от всяких

Рис. 4. Участник конкурса музыкантов (Кемпэр, июнь 1967 г.)

туристских маршрутов, в деревне Гломель. В каком-то большом пустом бараке — сарае (где бывают и киносеансы) собралось человек 150—200 разного возраста; они усердно отплясывали бретонские народные танцы под волынку и гобой, пели по очереди бретонские песни. Было очень весело.

Одновременно с многолюдным Fête de Cornouaille в июле 1967 г. происходил фестиваль местного искусства в Эльзасе. Я мог видеть там только подготовку к нему: в деревне Обернэ соорудили на площади большую эстраду — деревянный помост, вся деревня имела уже праздничный вид, висели плакаты, продавались сувениры... Однако размах празднества явно уступал бретонскому.

И почти в те же дни устраивались массовые зрелища и празднества в Стране Басков; но здесь программа была растянута на большой срок и децентрализована. В разных деревнях и городках устраивали демонстрацию национальной игры басков, называемой здесь испанским словом «пелота»⁴, устраивали корриды (бои быков) и «souisses de vaches» (сходное с корридой зрелище, но без умерщвления животного), представления «баскского балета». Мне довелось побывать на соревновании по «пелоте» в деревне Юстариц, где местная, лучшая во всей стране, команда победила своих противников. Своеобразная спортивная игра в мяч, практикуемая только у басков, считается одной из особенностей национальной культуры этого народа. Эта игра требует от участников необычайного мастерства (все мужчины-баски практикуются в ней с детства) и представляет в высшей степени увлекательное зрелище. Я видел также выступления «баскского балета». Значение всех этих демонстраций местной культуры, — очевидно, то же, как в Бретани, но масштаб меньше.

Великолепным было выступление «Окситанского балета», участвовавшего в Бретонском фестивале. Этот коллектив (около 40 человек), составленный более 10 лет тому назад под руководством талантливой артистки и певицы Франсуазы Даг, гастролирует успешно в разных странах. В выступлениях его сочетается профессиональное мастерство с чисто народной основой. Эта основа, кстати, очень заметно отличается от стиля бретонского народного искусства; вместо довольно монотонной и примитивной музыки и пляски здесь налицо богатое наследие высоко развитой средневековой провансальской культуры: сложная мелодика и гармония, утонченная ритмика, разнообразный состав инструментов (скрипка, la vielle и др.), блестящие танцы, театральные балетные инсценировки.

⁴ Pelota — мяч, шар (испан.).

Из сказанного выше видно, что вопрос о судьбе национальных (этнических) культурных традиций во Франции тесно связан с национальным составом ее населения, с его этнической структурой. По этой проблеме тоже удалось собрать некоторые данные.

Этнические процессы, наблюдаемые сейчас во Франции, имеют два аспекта. С одной стороны, происходит, и во все более ускоряющемся темпе, слияние областных групп собственно французского народа в монолитную французскую нацию. Этот процесс, заметно ускорившийся после Великой революции конца XVIII в., выражается сейчас в вытеснении местных говоров (patois) литературным французским языком (через школу, газеты, радио, литературу, военную службу), в перемешивании самого населения путем внутренних миграций, в ослаблении областного самосознания в пользу общенационального. С другой стороны, идет сложный процесс взаимодействия между собственно французской нацией и национальными меньшинствами, сохраняющимися за окраинах страны. Эти-то взаимоотношения и составляют то, что можно назвать «национальным вопросом».

Национальный вопрос во Франции, как известно, не стоит остро. Национальные меньшинства, занимающие окраины страны, — это эльзасцы (1,3 млн.), бретонцы (800 тыс. — 1,1 млн. по разным исчислениям), корсиканцы (св. 250 тыс.), каталонцы (ок. 200 тыс.), баски (130 тыс.), фламандцы (расчеты численности сильно расходятся, от 100 тыс. до 400 тыс.). Эти национальные меньшинства, сохраняющие свои языки, не обнаруживают заметных тенденций (если не говорить о мелких политических группах) ни сепаратистских, ни автономистских, и в подавляющем большинстве не противопоставляют себя французам. Помимо этих шести бесспорно самостоятельных национальностей, есть еще одно национальное меньшинство, которое, однако, далеко не всеми признается таковым: это «окситанцы», жители Южной Франции, говорящие на langue d'oc. Этот язык заметно отличается от французского, приближаясь к каталонскому, а частично и к испанскому.

Из этих национальных групп мне удалось, как уже сказано выше, повидать эльзасцев, бретонцев и басков, немного поговорить и с «окситанцами»; остались совсем незатронутыми каталонцы, корсиканцы и фламандцы. Меня интересовало, в первую очередь, этническое и национальное самосознание в этих местных национальных группах и в связи с этим — взаимоотношения языков и проблема двуязычия.

В отношении эльзасцев уже не раз отмечалось в литературе, что этот народ, говорящий на местном диалекте (точнее — двух диалектах — алеманском и франкском) немецкого языка, тем не менее тяготеет по своим симпатиям и политическому самосознанию больше к Франции, чем к Германии. Это объясняется прежде всего историческими судьбами Эльзаса, пограничной страны, переходившей не раз из рук в руки, но получившей демократические права от революционной Франции. Как обстоит дело с языком и национальным самосознанием эльзасцев сейчас?

Родным языком служат и сейчас, по крайней мере для подавляющего большинства населения — для крестьянства, — местные диалекты; жители называют свое наречие, когда говорят по-французски, «l'alsacien». Дети выучивают французский язык в большинстве случаев только в школе. Тем не менее все население знает французский язык, хотя некоторые лица старшего поколения знают его недостаточно⁵. Многие — но далеко не все — говорят и на литературном немецком языке (от которого местные диалекты сильно отличаются)⁶. Все названия улиц, вывески, дорожные надписи и пр. — французские (только вывески кафе нередко на двух языках). Местные газеты «Le Nouvel Alsacien» («Der Elsässer») и «Dernières Nouvelles d'Alsace» печатаются на двух языках: в каждом номере есть статьи на французском и на немецком (литературном) языках. В некоторых крестьянских домах я видел только немецкие книги. На местных диалектах литературы почти нет: по-видимому только один писатель — Роберт Вилль — печатает свои рассказы на диалекте. Интеллигенция в большинстве случаев воспитана на французской культуре и тяготеет к ней. Лишь небольшая кучка старых интеллигентов обнаруживает приверженность к немецкой литературе. Эти сведения сообщил мне директор Эльзасского музея с немецкой фамилией Henninger, ко-

⁵ По статистике 1926 г. французским языком пользовались, как обиходным (langue usuelle), из каждой тысячи человек в Нижнем Эльзасе 202 человека, в Верхнем Эльзасе — 225 чел. («Das Elsass von 1870—1932», B. IV, Colmar, 1938, стр. 199); с того времени число людей, употребляющих французский язык, конечно, значительно увеличилось.

⁶ По тем же данным 1926 г. немецким литературным языком пользовались, как обиходным — наряду с диалектом или с французским, — из каждой тысячи человек в Нижнем Эльзасе всего лишь 83 человека, в Верхнем Эльзасе — 71 человек; одним только немецким литературным языком — лишь 15 человек из тысячи в Нижнем Эльзасе и 8 человек в Верхнем Эльзасе (там же).

тую он, однако, произносит на французский лад — Эненжé, заверивший меня и своей личной горячей приверженности к французской культуре.

Насколько я успел узнать, эти различные национально-культурные симпатии переходят в политическую плоскость⁷, и говорить о каком-либо сепаратистском движении в Эльзасе сейчас, кажется, нет оснований.

Сложность этнических отношений в Эльзасе усугубляется вероисповедной рознью. Около трех четвертей населения там — католики, остальные — протестанты. Но и среди протестантов нет единства: есть лютеране и есть кальвинисты. Лютеранство сохранилось здесь от того времени, когда Эльзас принадлежал герцогам Вюртембергским. Кальвинизм — следствие связей с соседней Швейцарией. Большинство протестантов кальвинистов считает своим родным языком, видимо, французский, тогда как лютеране говорят на местных диалектах (эти сообщения я не успел проверить). Между приверженцами разных вероисповеданий, — которые живут по большей части в одних и тех же деревнях, — особой розни нет; однако смешанные (в вероисповедном отношении) браки все еще редки.

Несколько проще этнические и языковые отношения в Бретани, где религиозных различий нет (все католики), и где соперничают только два языка: французский и бретонский (язык кельтской группы, родственной уэльскому, гэльскому и ирландскому языкам Британских островов). Как известно, вековая борьба между бретонским и французским языками идет с неуклонным перевесом французского, — языка школы, высокой культуры и богатой литературы. Языковая граница неумолимо сдвигается все дальше к западу, проходя сейчас приблизительно с севера на юг по линии Сен-Брие — Ванн; к востоку от этой линии, в «Верхней Бретани», говорят уже только по-французски; да и к западу от нее, в «Нижней Бретани» — «Bretagne bretonnante», — бретонский языковой массив все более размывается изнутри.

Если в 80-х годах XIX в. Мопассан мог написать после своей поездки по Бретани, что там можно сутками ехать, не слыша ни одного французского слова, то теперь положение совсем иное. Благодаря французской школе и всем прочим формам культурного влияния французский язык понимают все или почти все⁸. Сами бретонцы (если не говорить о немногих интеллигентах — поклонниках бретонского языка) нередко смотрят на свой язык, как на мужицкую речь, не нужную образованному человеку. Характерный пример привел в разговоре со мной местный заслуженный деятель культуры, архитектор Жак Лашо (француз, давно живущий в Бретани): его домашняя работница, бретонка, с негодованием отказалась выполнить его просьбу — разговаривать с его детьми по-бретонски, чтобы они освоились с этим языком.

У бретонцев сохранились следы как бы ступенчатого этнического самосознания — наследие феодальной раздробленности. В пределах бретонской языковой территории выделяются 4 диалекта — корнуайльский, леонский, трегьерский и ваннский. Они соответствуют четырем епископствам и, очевидно, восходят истоками своими к древнему делению народа. В свою очередь, эти 4 языковые области делятся на более мелкие территориальные группы («*crays*»). Внешней приметой последних служат различия в национальных костюмах, особенно в женских головных уборах, — покойный этнограф Крестон, тщательно изучивший их, установил бытование 21 типа головных уборов в пределах Бретани; субъективным выражением того же служит областное (в известном смысле этническое) самосознание. Например, в юго-западной части полуострова выделяется область Бигудэн (с центром в Пон-л'Аббэ); жители ее, бигуданцы, считаются своеобразной этнической группой, они сами сознают свою земляческую солидарность. Но бигуданцы вместе с несколькими другими местными группами (длугастельцы, дуарненейцы и др.) входят в Корнуайльский округ, население которого, говорящее на своем диалекте, противопоставляет себя, например, леонцам (население северо-западной части полуострова) и другим областным группам. Это противопоставление проявлялось раньше, как мне говорили, в бытовых земляческих связях и в соперничестве землячеств в средних и высших учебных заведениях. Но при том все вместе считало себя, конечно, бретонцами, в отличие от собственно французов.

Национальное бретонское движение сравнительно слабо. Оно развивается на несколько течений. Одни стараются поддерживать и развивать то ценное, что есть в

⁷ Политических симпатий к Германии у эльзасцев никогда не было. В годы аннексии Эльзаса кайзеровской Германией (1870—1918) эльзасское население в подавляющем большинстве протестовало против нее, неизменно избирая в составе рейхстага депутатов — противников аннексии. После нацистского захвата Эльзаса, даже в момент апогея военных успехов гитлеровской Германии (июль 1942 г.) в Эльзасе насчитывалось официально всего 12 тысяч членов нацистской партии, да и из них к концу того же года многие были «гаулейтером» Вагнером исключены из партии как ненадежные элементы (Paul Séra n t, *La France des minorités*, Paris, 1965, p. 300).

⁸ По некоторым сведениям, есть до 12 тысяч бретонцев (вероятно, в большинстве пожилого возраста), не знающих французского языка, — против миллиона двуязычных (P. Séra n t, *Указ. раб.*, p. 149).

бретонской народной культуре,— отсюда устройство фестивалей (о которых уже была речь), культивирование национальной музыки, танца, народной одежды, прикладного искусства. Владелец большой мастерской в Пон л'Аббэ Анри Ле-Минор, где 150 работников изготавливают на продажу национальные ткани с вышивкой, кукол в национальных

Рис. 5. Ресторанчик в старинном бретонском крестьянском доме

Рис. 6. Хозяйка ресторана (Бретань)

нарядных костюмах, сознательно культивирует национальное бретонское искусство. Однако он ориентируется не на старину, не на архаику, а на рыночный спрос, на экономику, без чего, как он правильно полагает, невозможно сохранить национальное искусство.

Другие заботятся о сохранении и распространении бретонского языка — иначе, по их мнению, и вся национальная бретонская культура будет обречена на вымирание. С 1951 г. законом допущено преподавание в школе местных языков («Закон Диексона»), в том числе, значит, и бретонского, но лишь как факультативных предметов. Но фактически закон помогает мало: многие родители предпочитают, чтобы дети помогали им по хозяйству, чем тратили время на дополнительные школьные уроки бретонского языка (на это жаловался нам еще в 1961 г. учитель сельской школы в деревне Гломель, М. Мерсье). Ревнители родного языка — бретонские интеллигенты — не жалеют усилий, добиваясь улучшения законодательства о региональных языках, увеличения количества радио- и телепередач на бретонском языке (в настоящее время эти передачи разрешены только раз в неделю, по воскресеньям, по 1—1,5 минуты!). Это течение организационно возглавляется особой комиссией по культуре (Emgleo Breiz), входящей в общенациональный «Национальный совет защиты региональных языков и культуры». Эта Комиссия — один из главных ее деятелей А. Керавель, снабдивший меня обильными материалами по данному вопросу,— то и дело составляет докладные за-

писки на имя министра просвещения и разворачивает усиленную агитацию среди бретонского населения. В 1965 г. Комиссия распространила «Великую народную петицию» в защиту прав бретонского языка и культуры; под этой петицией к лету 1967 г. удалось собрать свыше 130 тысяч подписей. Но шансы бретонского языка на укреплении и даже на сохранение своих позиций все же, видимо, невелики.

Третье течение, наконец,—это очень небольшая группа экстремистов-сепаратистов, скомпрометировавшая себя, кстати, во времена немецко-фашистской оккупации сотрудничеством с гитлеровцами. Группа эта издает крикливо-националистическую газетку «L'Avenir de la Bretagne», где печатаются резкие нападки на централизаторскую политику Парижа, которая-де угрожает проглотить все провинции. Эта газета спекулирует на законном недовольстве бретонских крестьян и рыбаков неблагоприятными для них условиями рынка, демагогически кричит о растущей эмиграции бретонцев, о падении численности населения, несмотря на высокую рождаемость. Но сепаратисты, видимо, не пользуются популярностью в народе.

Экономическое положение Бретани в системе французского хозяйства действительно незавидно: жизненный уровень низок, депопуляция, вызванная непрекращающейся эмиграцией, растет, происходит даже дезиндустриализация Бретани, падение местного судохозяйства⁹. Но причиной этого служит, конечно, не национальная дискриминация, которой во Франции нет, а неблагоприятное географическое положение области и общины, присущие капитализму экономические противоречия.

Что касается басков, то у них национальное движение проявляется в тех же формах, что и в Бретани. Есть стремление сохранить и развить национально-культурные традиции: танцы, костюмы, национальную игру «пелота». Устраиваются фестивали. Богатейшие коллекции по баскской культуре содержит «Баскский музей» в Байонне. Забота о сохранении этого культурного наследства — наиболее здоровая и бесспорная струя в национальном движении.

Труднее что-либо сказать о языке. Загадочный язык басков, до сих пор никем из лингвистов удовлетворительно не классифицированный, держится крепко,—как в испанской, так и во французской части Страны Басков. Однако все баски двуязычны: икола — французская (в Испании — испанская), книг на баскском языке почти нет. Многие баски трехязычны: испанская граница почти открыта, и общение между французскими и испанскими басками оживленное.

Есть и здесь экстремистская националистическая группа, крайне малочисленная. Она издает с 1962 г. газетку «Epbata» (на французском языке). Лозунг этой группы — объединить все 7 баскских провинций (4 в Испании, 3 во Франции) в единое самостоятельное государство. Националисты хвастаются древностью своего языка и «расы»: будто бы «ученые доказали», что баскская «раса» существовала уже за 30 тысяч лет до н. э. (!).

Науке предстоит еще серьезно изучить вопрос о причинах стойкости таких языков, как баскский и бретонский, а также эльзасские диалекты, вопреки неблагоприятным историческим обстоятельствам. Видимо, стойкость эта вытекает из функции языка как средства поддерживать национальную обособленность,—ибо другую, первичную функцию всякого языка — как средства культурного общения людей — гораздо лучше выполняет во всех этих районах французский язык, который все знают.

Вероятно, это же надо сказать и об окситанском языке (лангдок). Этот язык часто называют «провансальским», но это неточно: Прованс — это только одна из южно-французских провинций, расположенная в низовьях Роны (города Экс, Арль, Авиньон и др.), а провансальское наречие, наряду с верхне- и нижне-лангдокским, гасконским, лимузенским, овернским, входит в более широкую языковую общность — «окситанский язык» (langue d'oc).

Этот язык — точнее, совокупность южнофранцузских наречий — есть наследие раннесредневековой эпохи, когда юг Франции, Лангдок, представлял собой, экономически и культурно, наиболее развитую часть не только собственно Франции, но, пожалуй, и всей Западной Европы: там были богатые торгово-ремесленные города, связанные с прочими средиземноморскими странами, чем с северной Францией; там в XII в. расцвета замечательная поэзия «трубадуров», слагающих свои лирические песни на родном «провансальском» языке. Эти песни и стихи трубадуров послужили тогда образцом поэтического творчества для всех стран Западной Европы. Язык их — langue d'oc в отличие от langue d'oïl Северной Франции — первым из всех романских языков получил литературную обработку. Однако после страшного военного разгрома Лангдока северофранцузскими рыцарями (1229 г.) и последующего объединения всей Франции вокруг Парижа (XV—XVI вв.) Лангдок потерял свое прежнее экономическое и культурное преобладание, и «провансальский» язык опустился до уровня местного наречия, постепенно все более вытесняемого официальным французским языком.

Когда же в начале XIX в. развернулись по всей Европе национальные движения, — стали делаться и в Южной Франции попытки возродить богатый средневековый язык

⁹ См.: P. Sérant, Указ. раб., p. 141.

трубадуrow. И именно на основе местного наречия нижней Роны (Авиньон, Арль) выработан был — в особенности усилиями местных патриотов, «фелибров» — провансальский литературный язык; он получил блестящую литературную форму в произведениях выдающегося провансальского поэта Фредерика Мистрала (1830—1914). Может быть, именно поэтому понятие «провансальский язык» стало вновь употребляться в более широком смысле, охватывающем всю южную Францию.

По словам руководителей «Окситанского балета», культурные деятели Тулузы и всего Лангдока поддерживают дружественные связи с «фелибрами» Прованса. По литературе, однако, известно, что между культурно-национальными организациями Лангдока и Прованса есть соперничество и разногласия, — прежде всего по вопросу о провансальском литературном языке: лангдокцы его не принимают, пытаются выработать литературную форму «окситанского» языка на более широкой диалектальной основе¹⁰. В университетах (Тулуза, Монпелье) преподается литературный лангдокский язык. В 1945 г. в Тулузе действует «Институт Окситанских исследований» (Institut d'études occitanes)¹¹. Вопрос о взаимоотношениях «окситанского» и «провансальского» движений требует дальнейшего изучения.

Существует, кстати, и небольшая националистическая группа, добивающаяся политической автономии для районов окситанского языка, т. е. фактически для всей южной Франции; группу возглавляет Франсуа Фонтан. Но никто не принимает эту программу всерьез.

По сравнению с другими областными языками Франции лангдокский (провансальский) язык в последнее время обнаруживает значительно меньшую стойкость: он все более уступает место французскому. В городах южной Франции по-французски говорят теперь не только в общественных местах, но и дома; окситанский язык сохраняется преимущественно в деревне.

3.

За кратковременную поездку невозможно составить себе полное представление о современном состоянии этнографии во Франции. Но дополнив знакомство с французской этнографической литературой непосредственными впечатлениями и сведениями, полученными из бесед, я попытаюсь коротко обрисовать его общую картину.

Этнографическая деятельность во Франции сильно централизована: большинство этнографов работает в институтах, музеях, вузах Парижа, в Париже выходит и почти вся этнографическая (как и вообще научная) литература. Большую роль в организации планомерной научной работы (в том числе и по этнографии) играет «Национальный Центр научных исследований» (Centre Nationale des Etudes Scientifiques, CNES), с его уполномоченными на местах. В провинции очагами этнографической работы служат лишь некоторые университеты и отчасти этнографические и краеведческие музеи. Впрочем, в музеях ведется главным образом собирательская работа; больше того, — почти все коллекции в провинциальных музеях старые, и музеи лишь хранят и экспонируют их; собственно научная деятельность музеев слаба. Это я заключаю на основании ознакомления во время последней поездки с музеями в Страсбурге, Кемпэре, Байонне, а в прежнюю поездку (1961 г.) — с музеями в Боне, Арле, Ренне, Сан-Мало, Сен-Бриё. Лишь изредка встречаются в экспозиции провинциальных музеев попытки что-то обобщить, картографировать распространение и типы каких-либо явлений (типы сельскохозяйственных орудий, одежды и пр.); притом и все немногочисленные карты подобного рода (Страсбург, Кемпэр) сделаны давно. Научный персонал музея состоит обычно из одного человека (директор, хранитель); иногда — как в Арле — один директор на несколько музеев; прочий персонал — технические сотрудники, вахтеры, сторожа. Есть музеи с этнографическими коллекциями, где этнографов среди сотрудников нет совсем. Полевую работу на местах чаще ведут приезжие парижские этнографы. Такая крайняя централизация научной деятельности — конечно, отрицательное явление.

За последние годы начало вводиться преподавание этнографии (этнологии) в провинциальных университетах. Сейчас читаются курсы этнологии (местами вместе с социологией) в университетах Лиона, Бордо, Страсбурга, Монпелье, Нанта.

В Париже ведется большая и плодотворная научная этнографическая работа. Главные очаги ее — музеи: Musée des arts et traditions populaires (АТР) по этнографии Франции, и Musée de l'homme по этнографии других стран. Кроме того, этнографы читают курсы и ведут научную работу в вузах: Sorbonne, Collège de France, École Pratique des Hautes Études, Université Catholique.

Парижские музеи проводят серьезную собирательскую и научную полевую работу. Я успел больше познакомиться с деятельностью АТР.

¹⁰ См. Charles Camproux, Histoire de la littérature occitane, Paris, 1953, p. 216—217 и др.

¹¹ Он издает свои «Ежегодники» на французском языке («Les Annales de l'I. E. O.») и на местном языке литературный журнал.

Этот музей до сих пор находится в свернутом состоянии. Его этнографические коллекции, очень богатые, хранятся в подвальном помещении левого крыла большого дворца Шайо, где в экспозиционных залах выставлены экспонаты (муляжи) музея средневекового искусства Франции: прекрасные памятники архитектуры и скульптуры. В правом же крыле помещается Музей Человека. Собственного помещения АТР пока не имеет. Но в этом году заканчивается строительство нового обширного 11-этажного здания музея в Булонском лесу, на западной окраине Парижа. Два очень поместительных нижних этажа предназначены под экспозицию (основная экспозиционная площадь — 2324 кв. м.), остальные этажи — под научные кабинеты, лаборатории, хранилища, библиотеку, фототеку, архив и другие вспомогательные учреждения. План организации музея в новом здании разработан весьма тщательно. Официальное его открытие было намечено на конец 1968 г., но отложено на 1969 г.

СобираТЕЛЬСКАЯ и научная полевая работа музея очень велика. Правда, после смерти бывшего руководителя музея, Арнольда ван-Геннепа, прекратилось систематическое собирание экспонатов по материальной культуре со всей Франции, но огромная составленная тогда картотека по народной архитектуре (поселения и постройки) — 1.425 карточек с описаниями построек, покрывающими большую часть Франции, хранится в архиве музея. Сейчас же главное содержание полевой работы музея — изучение народной музыки, танца, фольклора. Под руководством госпожи Клоди Марсель-Дюбуа отдел музыкальной этнографии (Département d'ethnomusicologie) собрал и продолжает собирать огромную коллекцию записей народной музыки. При отделе имеется прекрасно оборудованная современными приборами лаборатория. Печатаются специальные труды и статьи по музыкальной этнографии. Изучением народного танца занимается Жан-Мишель Гильшер: он вел эту работу в Бретани, в Стране Басков, теперь заканчивает сбор материала в южной части Оверни (Обрак). Фольклор изучает Донасьен Лоран, — главным образом в Бретани.

Самое интересное в полевой работе Музея за последние годы — это большая комплексная («кооперативная», как ее называют во Франции) экспедиция в район Обрака. Экспедиция начала работать в 1963 г. и в настоящее время работы уже заканчиваются. В ней участвуют этнографы, социологи, экономисты, агрономы, лингвисты, искусствоведы — всего несколько десятков человек, в том числе крупные ученые. Руководит экспедицией Постоянная комиссия — в составе А. Леруа-Гурана, Ж.-А. Ривьера, А. Феля (университет в Клермон-Ферране), Корнеля Жеста и Клоди Марсель-Дюбуа. Район исследования выбран из-за его захолустности и архаичности быта, основанного на горно-скотоводческом полукочевом хозяйстве. Обрак — часть этнографической области Руэрг, в свою очередь составляющей южную окраину Оверни (Центральный Массив); но руэрги сейчас не любят, когда их смешивают с овернянами (к которым в Париже установилось пренебрежительно-ироническое отношение), называют себя Rouergats. Здесь сохранилось много традиционных архаических черт в хозяйстве, быту, культуре. Изучение этих реликтовых черт — главная задача экспедиции.

Результаты выполненной работы очень велики; они сейчас обрабатываются и частично уже обработаны. Уже представлено 25 научных монографий, общим объемом более 2 тыс. страниц¹², сделано около 9 тыс. фотоснимков, заснято свыше 17 тысяч метров киноплёнки (что соответствует 20 часам демонстрации), записано 450 магнитофонных лент и пр. Из намеченных к монтажу 13 кинофильмов два уже готовы (оба они были показаны): «Предание о чёрте, вселившемся в козла» и «Молотба хлеба»; оба фильма очень интересны.

* * *

Я намеренно не коснулся здесь другого крупного раздела французской этнографической науки: этнографического изучения внеевропейских стран. В этой области достижения французской науки огромны, но они могли бы быть темой отдельной статьи. Особого рассмотрения заслуживают и теоретические труды французских этнографов («этнологов», как там чаще говорят) и социологов, за последние годы создавших в высшей степени интересные — пусть и спорные — концепции истории человеческой культуры. Достаточно назвать замечательные работы Андре Леруа-Гурана, парадоксальные, но интересные сочинения Клода Леви-Строса, оригинальные обобщения Жана Казнёва, Марселя Маже, Андре Одрикура, историко-социологические труды марксистов-африканистов Сюре-Канала, Годелье, не говоря о многих других. Эта тема, однако, вышла за рамки моих задач во время поездок во Францию, — как выходит она и за рамки этой статьи.

¹² В том числе монографии: об экономике Обрака (Шарль Парэн), о происхождении горно-кочевом скотоводстве в Руэрге (Жак Буске), о верованиях и обычаях (Анри Гроль), о народной музыке (Клоди Марсель-Дюбуа), о народных танцах (Жан-Мишель Гильшер), монографическое описание общины Севейрак и общины Мерле (Филипп Саган), монографическое описание общины Камбус (А. Дюран-Тюллу) и др. Все вместе будет публиковаться в общей серии «L'homme des buirons» (слово «buirop» означает хижину и сыроварню горного пастуха).